

УДК 008: 78.03 (Культура (в целом). Культурология. История культуры. История музыки)

ПРОБЛЕМА ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ АВТОРСТВА В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2017 Р.С.Ярмухаметова

Ярмухаметова Рамиля Салимьяновна, старший преподаватель кафедры Теории и истории музыки.

E-mail: ramila@nxt.ru

Самарский государственный институт культуры. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 05.09.2017

Русская музыка с древнейших ее образцов и вплоть до XVII века остается малоизученной областью в истории искусства. Однако, истоки и архетипы национальной музыкальной культуры, особая природа взаимоотношения слова и музыки, жанровая система, формируются во взаимосвязи церковной музыки и народного творчества в эпоху Древней Руси. Содержание данной публикации посвящено анализу концепции личности и проблемы имперсональности авторства в музыкальной культуре указанного периода. Профессиональная музыка, как и живопись, зарождалась в Древней Руси внутри храмового синтеза искусств, и была представлена сводом богослужебного пения – знаменным распевом. С момента крещения и до XVII в. русская культура регламентировалась христианским канонам, диктующим духовно-нравственные и ценностные ориентиры, нормы поведения и весь жизненный уклад человека. В христианстве жизнь человека рассматривается как преддверие к жизни истинной – вечной, а в трактовке человека изначально заложено противоречие: с одной стороны человек – венец Творения, с другой – раб Божий. Подобное понимание жизни «тварной» нивелирует понятие личности, «стирает» ее индивидуальность. В центре канонического искусства лики и жития святых – на иконах и фресках в живописи, в основе литературных произведений, в текстах монодий знаменного распева. Средневековая культура как культура канонического типа основана на установках на типичность, всеобщность, отказ от индивидуального в пользу общественного. «Единогласие» знаменного распева символизировало идею соборности – духовной потребности в коллективном сосуществовании. Монотембровость хора исключала возможность проявления индивидуального начала. Неприятие инструментальной музыки в русской церкви объясняется аскетической природой православия, поиском духовной правды. Художественное творчество в эту эпоху трактуется как эманация Бога, как «дар Божий», поэтому музыка, как и все виды искусств Древней Руси, «не помнит» своих авторов, имеет имперсональный характер.

Ключевые слова: искусство Древней Руси, история русской музыки, богослужебная музыка, знаменный распев, концепция личности и проблема авторства в музыке.

История Древней Руси – одна из самых интригующих эпох для изучения в целом, и музыки в частности. Советский период с его атеистической идеологией надолго сделал «не популярным» весь пласт религиозной культуры. Табуированной оказалась не только вся богослужебная музыка, но научные труды и направления, посвященные функциям русской культуры и ее исследованию. Сегодня предпринимаются усилия по восстановлению истории: исследуется архивная документация; ведется работа по «переводу» знаменной нотации в современную линейную; воссоздается звучание русской богослужебной музыки профессиональными и церковными хорами. Однако, «белых пятен» в истории русской музыки названного периода остается достаточно много. Л.А.Рапацкая справедливо пишет: «Есть среди этого моря неразгаданных тайн отечественной

культуры особый, влекущий глубоким своеобразием мир, который называется искусством Древней Руси. Можно возразить: древнерусское искусство давно не является тайной. Написано немало работ по истории иконописи, литературы, зодчества, прикладных искусств. Достаточно вспомнить таких блестящих авторов, как М.В.Алпатов, Г.К.Кагнер, В.Н.Лазарев, Д.С.Лихачев, Б.А.Успенский! Все это так. Но обратим внимание: в подавляющем большинстве доступных широкому читателю книг образ древнерусской художественной культуры поражает своим безмолвием. Молчат величественные храмы... Их тишина очень красноречиво говорит о том, что на историческом полотне художественной культуры Древней Руси не хватает одной из самых ярких красок – музыки! Лишая ансамбль древнерусских искусств музыкального звучания, можно легко нарушить его

внутреннюю стройность, эстетическую и духовную целостность» [1, с.5].

В научной литературе в трактовке понятия Древняя Русь, в определении ее хронологических границ есть разночтения. Вслед за Л.А.Рапацкой будем подразумевать под культурой Древней Руси все художественное творчество XI – XVII веков. В то же время, А.А.Горский предпочитает называть этот период Русским Средневековьем, считая определение «Древняя Русь» хронологически неопределенным [2, с.4]. Временные рамки русского Средневековья не совпадают с западноевропейским «*medii aevi*», но так же, как и в Европе это огромный исторический период, включающий в себя разные культурные эпохи. Русское Средневековье формировалось «по особому сценарию», в связи с тем, что ему предшествовала не античность, а язычество. Восприняв от Константинопольской церкви христианство в полном объеме как целостную систему, Русь приняла его как «божественное знание» и обрела свой духовный и культурный путь развития, основанный на канонах православия. Патристическое учение привнесло более высокую модель мирозерцания, которую Русь адаптировала в соответствии со своими ментальными особенностями. Музыка, как особая форма сознания, как культурный код хранит информацию о картине мира этой эпохи в ее основных компонентах: Бог, человек, время, пространство и пр.

Проблема человека в Средневековье широко обсуждалась в ряде фундаментальных работ отечественных и зарубежных ученых: Й.Хейзенге, Ж.Ле Гоффа, Д.С.Лихачева, А.Я.Гуревича, И.С.Кона, М.М.Бахтина, С.С.Аверинцева, В.В.Бычкова, А.М.Панченко, Т.Н.Грановского, Н.А.Герасимовой-Персидской, Л.А.Рапацкой, и др. Хотя история Древней Руси знает ряд крупных деятелей, по-своему направляющих течение событий, однако ни они сами, ни их современники не осознавали в этом роли и воли индивидуума. Вся их деятельность – творческая, созидательная, и любая иная – воспринимались как проведение воли Божьей, Божьего дара. Таким образом, можно сказать, что в музыкальном искусстве Древней Руси *нет индивидуальности*, отдельной личности, но есть *провиденциальность*.

Отсутствие индивидуализма в сознании средневекового человека определяется *коллективной природой христианской веры*. А.Я.Гуревич, изучая категории средневековой культуры, свидетельствует о доминировании категории коллективного над категорией индивидуально: «Средневековое сознание исходило из прин-

ципа, что целостность, *universitas* – общество, нация, церковь, корпорация, государство – концептуальна, а следовательно, и в действительности предшествует своим индивидуальным членам. Эта целостность обладает реальностью, индивиды же, в нее входящие, – ее производные, своего рода акциденции. Перефразируя тезис философов-реалистов средних веков «*universalia ante rem*», можно сказать, что и принципом социальной жизни было «*universitas ante membra*». Теоретический анализ средневековых мыслителей неизменно исходил из целого, а не из индивида. В отдельном видели преимущественно символ общего» [3, с.244]. И.С.Кон считает: «Чувство принадлежности давало ему (человеку Средневековья) прочную социальную идентичность, но одновременно ограничивало его, индивидуальные и мировоззренческие горизонты... Для него характерна нетерпимость к любым различиям и вариациям, нарушающим привычный, установленный от века порядок вещей» [4, С.96]. Это высказывание говорит еще об одном важном моменте – о сознательном следовании установившимся эталонам. Система конкретных правил и норм, т.е. канон, прочно обосновалась в мышлении православного менталитета.

Весь ритуальный уклад церкви и жизнь воцерковленного человека построены как жизнь и ритуал коллективного, *соборного вероисповедания*. Что означает слово «соборность»? Ответ на этот вопрос находим у П.А.Флоренского: «Чем устойчивее канон, тем глубже и чище он выражает общечеловеческую духовную потребность: каноническое есть церковное, церковное – соборное, соборное же – всечеловеческое» [5, с.109]. Значит, соборность – это, прежде всего, «общечеловеческая духовная потребность», выработанная веками модель сознания для всех и для каждого. Весь свой жизненный путь православный христианин проходил в коллективном ликовании и переживании, начиная от ритуала крещения, через совместное «стояние» на службах и крестные ходы на Пасху, до отпевания. Даже отпущение грехов, интимный момент причащения, предстает как коллективный ритуал, в котором присутствуют как минимум трое – причащающийся, священнослужитель и Господь. В коллективном акте молитвы, в момент отрешения от всякого действия, в момент самозерцания реализуется средневековая личность. Любопытно, что при коллективной природе вероисповедания все же *индивидуализировались ряд моментов*. Первый заключается в идее мистической связи человека с Богом, предполагается, что

Бог слышит молитвы и чаяния каждого молящегося в отдельности. Второй момент состоит в идее персональной ответственности на Страшном Суде. И третий момент связан с осознанным уединением для осуществления «христианской правды», здесь мы имеем в виду отшельничество и иночество как проявление аскезы. Как считает В.В.Зеньковский: «Средневековая личность в религиозной жизни имеет целью участие в «царствии Божиим» и отрицание от греховных земных уклад ради воздаяния после смерти – проповедь аскетизма. Русский аскетизм – явление уникальное и отличное от своего западно-европейского образца. Он восходит не к отвержению мира, не к презрению плоти, а совсем другому – к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире, и тем зовет нас к освобождению мира» [6, Т.1, с.42]. Так, В.В.Зеньковский констатирует, что в основе русского аскетизма лежит не негативная, а положительная установка – аскетизм трактуется как средство и путь к преображению и освящению мира. «Отсюда становится понятным, почему так излюблен в русском церковном сознании образ «света» свою веру народ любит называть «пресветлое Православием», – пишет исследователь, – Здесь корень того мотива космичности, который связывает русскую религиозность со святоотеческой: мир воспринимается, как весь озаренный и пронизанный светом Божиим» [6, Т.1, с.42–43].

Одним из фундаментальных исследований интересующего нас периода является монография А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры», в которой исследователь говорит о присутствии культуры во всех сферах деятельности средневекового человека, в т.ч. в политике, хозяйственной жизни и т.д., имея в виду *неразделенность этих сфер* и подчиненность их провиденциализму. «Различные сферы человеческой деятельности в эту эпоху не имеют собственного «профессионального языка» — в том смысле, в каком существуют языки хозяйственной жизни, политики, искусства, религии... в современном обществе... В средние века существует математика и, следовательно, язык математических символов. Но эти математические символы суть вместе с тем символы богословские, ибо и самая математика длительное время представляла собой «сакральную арифметику» и служила потребностям символического истолкования божественных истин. Следовательно, язык математики не был самостоятельным, — он яв-

лялся, скорее, «диалектом» более всеобъемлющего языка христианской культуры Число было существенным элементом эстетической мысли и сакральным символом, мыслью бога» [3, с.23]. Вместе с тем, А.Я.Гуревич говорит о *противоречивости* ситуации, в которой находится личность средневековья. С одной стороны, человек – *подобие Бога*, венец творения, с другой стороны, человек – *раб Божий*. «Но служение требует смирения, подавления личных склонностей, противоречащих ригористичным идеалам христианства; поскольку искупление и завершение человека возможно лишь в ином мире, то свободное развитие личности исключено. Свобода воли, провозглашаемая христианством, оборачивается заповедью избегать всего, что может помешать спасению души» [3, с.247], – пишет исследователь.

Христианский канон регламентировал духовно-нравственные и ценностные ориентиры человека, нормы поведения, весь жизненный уклад, любое отступление от правил, любое проявление свободы считалось «греховным». В соответствии с христианским учением главной заботой человека на земле является «спасение души», при этом «душа» часто сравнивается с сосудом, наполняемым разным содержанием. В центре канонического искусства лики и жития святых – на иконах и фресках в живописи, в основе литературных произведений, в текстах монодий знаменного распева. М.М.Бахтин, А.Я.Гуревич и И.С.Кон и др., отмечают, что если в литературе Средневековья человек встречается в качестве героя, то в его описании нет индивидуальных черт, выделяющих его как личность. Он наделяется обобщенными характеристиками по принципу противопоставления «грешник-праведник», а самим человеком руководит не его воля, а воля Божья, или добродетели и пороки. Все ценностно-смысловые установки ориентированы на типичность, всеобщность, отказ от индивидуального и эгоистического в пользу общественного.

Христианская традиция считала творчество высшим проявлением божественного в человеке, «божественным даром», поэтому творчество древнерусских мастеров было принципиально *имперсональным*. Художник нес скромно и безымянно свой крест, подчиняя талант сверхзадаче: свидетельствовать об истинности Христовой веры. «Проявление соборности в искусстве Древней Руси – это не только следование общим установкам и правилам канона, но и добровольный отказ от эгоистического, «вольного» само-

выражения. Канон требовал от художника, писателя, музыканта воплощения надличностных, надвременных образов, обращенных ко всему человечеству» [1, с.21], – пишет Л.А.Рапацкая. По этой причине величайшие произведения Древней Руси не знают своих авторов, храмы «не помнят» своих зодчих, иконы – мастеров. Второй Никейский собор (787 г.) пояснял: «Не изобретение живописцев производит икону, а ненарушимый закон и предание православной церкви, не живописец, а святые отцы изображают и предписывают: очевидно, им принадлежит сочинение, живописцу же только исполнение» [7, с.32].

Имперсональность характерна и для музыки Средневековья. История не сохранила для нас имена композиторов-создателей григорианских хоралов или знаменных распевов, поскольку в Средневековье еще не существует феномена композитора как субъекта творчества, как автора, как творца. А.С.Клюев, изучает вопрос личности в европейской музыке в трех компонентах: личности композитора, личности исполнителя, личности слушателя, и констатирует, что в эпоху европейского Средневековья нет развитой личности «ни в одной из трех основных проявлений средневекового музыкального искусства: ни в культовом, ни в светском..., ни в народном» [8, с.57]. Значительные изменения статуса личности в европейской музыке происходят в эпоху Возрождения. Первостепенную роль в этом процессе сыграли секуляризация общественного сознания и развитие профессионального музыкального искусства. Исследователи западноевропейской музыки Н.А.Симакова и Ю.К.Евдокимова подчеркивают: «начиная... с конца XV в... можно ощутить... конкретные особенности стилистики, известную степень художественного своеобразия крупных деятелей музыкального искусства того времени» [9, с. 28]. Рост личностного начала в культуре выразился и в воплощении оригинальных и новаторских идей, порой отрицающих каноны предшествующего периода, нашедших отражение в новом содержании и появлении новых светских жанров музыки. В русском музыкальном искусстве проявление личностного начала стало очевидным в более поздний период – к концу XVI в., когда уровень общей музыкальной грамотности, теоретического, композиторского, или исполнительского мастерства позволяли лучшим из музыкантов превзойти своих современников. До тех же пор, их творчество оставалось «творением рук Божьих». Как пишет Л.А.Рапацкая «Отсутствие авторского права было характерно для всех видов искусства

Древней Руси на протяжении многих веков, что, безусловно связано со слабо выраженным индивидуальным началом художественного произведения» [1, с.22].

Русская профессиональная музыкальная культура до XVII в. представлена сводом церковных песнопений – «знаменным распевом», получившим обобщающее название в связи с использованием особого типа нотации – знаменного или крюкового письма. Знаменный распев является частью православного ритуала, одной из форм богослужения. Однако автор рассматривает знаменное пение не только как форму богослужения, но как музыкальный феномен, как неотъемлемое звено истории русской музыки, закладывающее фундамент русскому профессиональному музыкотворчеству. Исследуя синкретическую природу знаменного распева, автор обнаруживает, что во взаимосвязи слова-музыки богослужения порождаются градации, которые не являются собственно пением, но это уже не просто речь. В зависимости от развитости музыкального компонента в «поемом слове» различают несколько его видов: от псалмодирования и аккламации на одном-трех тонах с силлабическим взаимоотношением слова-музыки, до экфонесиса, с богатой интонационной основой и с мелизматическим соотношением слогов. При всем многообразии информации, заложенной в текстах богослужения, ее можно классифицировать на шесть групп песнопений: 1) догматические; 2) повествовательно-исторические; 3) нравственно-дидактические; 4) гимнические; 5) созерцательные; 6) поясняющие (сопровождающие литургию и раскрывающие значение происходящего в службе). Анализ интонационного строения знаменного распева позволяет сделать вывод о том, что знаменный распев представляет собой одноступенчатое изложение мелодии, состоящей из корпуса попевок (фит и лиц), установленных системой осмогласия и регламентированных Типиконом. Основным требованием к исполнению знаменного распева является «единогласие», т.е. унисонное пение монотембрового исполнительского состава, основанного на низких мужских голосах (басах). Единогласие символизировало собой идею «соборности», а его тембровая однородность при сдержанном (смирненном) характере исполнения позволяла прихожанам сосредоточиться на содержании службы, заложенном в вербальном компоненте.

В целом русское художественное творчество эпохи Средневековья не отходило от христианской концепции, однако адаптировало ее свое-

образно. Так, отказ от инструментальной музыки в русском богослужении был продиктован не желанием породить отличную от западно-европейской традиции службы (как это видят некоторые исследователи), а именно аскетическими стремлениями. Во-первых, принцип неприятия инструментальной музыки был воспринят Православной церковью от Константинопольской вместе со всеми каноническими установками. Во-вторых, это обосновано и тем фактом, что инструментальная музыка широко применялась в культовых церемониях язычников. Известно, так же, что пение «в миру» и пение богослужбное не отождествлялись в сознании русского человека. Более того, богослужбное пение долго не признавалось собственно музыкой (музикой). В азбуковнике «Книга, глаголемая Алфавит» (1596), В.В.Протопопов нашел следующее определение: «Музыка, гудение в гусли в домры в лыри, и в цынбалы и прочая струны имеющая, вся та музыка наричуются органы мусикийския» [10]. Стало быть, термин «музыка» относился скорее именно к инструментальной музыке развлекательного характера. В третьих,

«стремление к небесной правде» православной церкви диктовало необходимость славить Бога не «бездушными предметами», но «умом очищенным». Человеческий голос, инструмент данный человеку природой, воспринимался как самопроявление «внутреннего человека», «движение души», непосредственно отображающий эмоции: взлеты и падения, восторг и уныние, подъем и апатия – отсветы непрекращающейся борьбы противоречивых сил: Света и Тьмы.

Таким образом, русское музыкальное искусство Древней Руси, представленное сводом богослужбных песнопений – знаменным распевом воплощает основные черты средневековой культурной парадигмы, в которой отсутствует индивидуальность, но есть провиденциальность. В связи со «стертым» личностным началом искусство этого периода принципиально имперсонально. Канонический тип культуры обуславливал направленность всего комплекса храмовых искусств – архитектуры, живописи, слова и музыки – на постижение христианской первоистины: «Бог есть начало, середина и конец всех вещей».

1. Рапацкая, Л.А. Четвертая мудрость. О музыке в культуре Древней Руси. М., Музыка, 1997. 202 с.
2. Горский, А.А. Русское Средневековье. М., Астрель, 2014: <https://coollib.net/b/333922>
3. Гуревич, А.А. Категории средневековой культуры. М., Искусство, 1984. 350 с.
4. Кон, И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., Политиздат, 1984. 151 с.
5. Флоренский, П.А. Иконостас // Богословские труды. Т.9, М., 1972. Изд-во Московской патриархии: http://www.btrudy.ru/archive/bt_9.html
6. Зеньковский, В.В. История русской философии. М., Париж, 1999. Т.1: <http://otechnik.narod.ru/zenk1.html>
7. Цит. по: Данилова И.Е. Искусство Средних веков и Возрождения. М., Советский художник, 1984. 405 с
8. Клюев, А.С. О личности в музыке // Общество. Среда. Развитие. СПб., 2015. № 2. С. 57–61.
9. Евдокимова, Ю.К., Симакова, Н.А. Музыка эпохи Возрождения: Cantus prius factus и работа с ним. М., Музыка, 1982. 253 с.
10. Протопопов. В.В. Русская мысль о музыке в XVII веке. М., Музыка, 1989. Цит. по: http://www.canto.ru/index.php?menu=public&id=medieval.17cent_01

THE PROBLEM OF AUTHORSHIP IMPERSONALITY IN THE MUSICAL CULTURE OF ANCIENT RUSSIA

© 2017 R.S.Yarmukhametova

Ramilya S. Yarmukhametova, senior lecturer of the Chair of Theory and History of Music.

E-mail: ramila@nxt.ru

Samara State Institute of Culture. Samara, Russia

Russian music starting with its oldest samples and up to the XVII century remains poorly studied field in the history of art. However, the origins and archetypes of the national music culture, special nature of relationship between word and music, genre system are formed in relationship of Church music and folk art in the era of Ancient Rus. The content of this publication is devoted to analysis of the identity concept and the problem of authorship impersonality in the musical culture of a particular period. Professional music, like painting, was born inside the temple synthesis of arts, and was presented with a set of liturgical singing – Znamenny chant. From

that moment and until the seventeenth century the culture of Ancient Russia was ruled by a Christian Canon that dictates moral and value orientations, norms of behavior and entire way of life of a person. In Christianity, human life is considered as a prelude to the true life – eternal, and in the interpretation of a man contradiction is initially put: on the one hand the man is the Lord of Creation, on the other - the servant of God. Such understanding of "creation" life eliminates the concept of personality, erases its individuality. In the center of the canonical art are the faces and lives of the saints - on icons and frescoes in painting, based on literary works, the texts of monody Znamenny chant. Medieval culture as the culture of canonical type is based on installations of the majority, universality, renunciation of the individual in favor of the public. "Unanimity" of Znamenny chant symbolized the idea of catholicity – the spiritual needs in a collective coexistence. Monocomponent of chorus precluded the possibility of individual start. The rejection of instrumental music in the Russian Church is due to the ascetic nature of Orthodoxy, the search of spiritual truth. Artistic creativity in this age is interpreted as the "gift of God", as the emanation of God, so the music, like all types of art in Ancient Rus, doesn't "remember" its authors and has impersonal nature.

Keywords: art of Ancient Russia, the history of Russian music, liturgical music, Znamenny chant, the concept of personality and the problem of authorship in music.

1. Rapatskaya, L.A. Chetvertaya mudrost'. O muzyke v kul'ture Drevnei Rusi (Fourth wisdom. About music in the culture of Ancient Russia). M., Muzyka, 1997. 202 s.
2. Gorskii, A.A. Russkoe Srednevekov'e (Russian Middle Ages). M., Astrel', 2014: <https://coollib.net/b/333922>
3. Gurevich, A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury (Categories of medieval culture). M., Iskusstvo, 1984. 350 s.
4. Kon, I.S. V poiskakh sebya. Lichnost' i ee samosoznanie (In quest of myself. Personality and its consciousness). M., Politizdat, 1984. 151 s.
5. Florenskii, P.A. Ikonostas (Iconostasis). *Bogoslovskie trudy*. T.9, M., 1972. Izd-vo Moskovskoi patriarkhii: http://www.btrudy.ru/archive/bt_9.html
6. Zen'kovskii, V.V. Istoriya russkoi filosofii (History of the Russian philosophy). M., Parizh, 1999. T.1: <http://otechnik.narod.ru/zenk1.html>
7. Tsit. po: Danilova I.E. Iskusstvo Srednikh vekov i Vozrozhdeniya (Art of the Middle Ages and Renaissance). M., Sovetskii khudozhnik, 1984. 405 s
8. Klyuev, A.S. O lichnosti v muzyke (About the personality in music). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. SPb., 2015. № 2. S. 57–61.
9. Evdokimova, Yu.K., Simakova N.A. Muzyka epokhi Vozrozhdeniya: Cantus prius factus i rabota s nim (Renaissance music: cantus prius factus and work with it). M., Muzyka, 1982. 253 s.
10. Protopopov, V.V. Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke (The Russian thought of music in the 17th century). M., Muzyka, 1989. Tsit. po: http://www.canto.ru/index.php?menu=public&id=medieval.17cent_01